

анархизм понимается абсолютное и безоговорочное неприятие всех видов власти в любой ситуации и любой ценой, ответ будет отрицательным... Если же под анархизмом понимается убеждение, что власть во всех ее формах, даже ограниченных, несет в себе немалую долю зла и что необходимы энергичные усилия, дабы свести ее к минимуму, то Годвин — анархист⁵³.

То есть, чтобы признать английского философа сторонником анархизма, автор существенно расширяет пределы этого понятия. Но здесь вновь возникает опасность утраты четких критериев, ибо стремление к максимальному ограничению государственной власти — черта, присущая, не столько анархизму, желавшему полного уничтожения государства, сколько либерализму. В рамки же распространяемого понимания анархизма вписать Годвина едва ли представляется возможным. Тот же Кларк в несколько иной связи высказывает любопытную мысль, невольно подтверждающую это: «Нельзя назвать анархистом того, кто защищает сохранение доминирующей роли политической власти в централизованной нации-государстве даже на период "перехода"»⁵⁴. И хотя данное высказывание направлено скорее всего против марксизма, косвенно оно подтверждает нашу точку зрения, ибо Годвин тоже сохранил государственную власть на время "перехода", правда, в гораздо меньших размерах. Интересно, что, когда Кларк сравнивает воззрения Годвина и анархистов XIX в., ему приходится гораздо чаще отмечать различия их взглядов, чем сходство⁵⁵.

Таким образом, у нас, думаю, есть достаточные основания сомневаться в возможности и необходимости рассматривать социально-политическую теорию Уильяма Годвина как одно из явлений анархистской мысли. Разумеется, нельзя отрицать: по ряду аспектов взгляды этого философа, как, впрочем, и некоторых других английских социалистов начала XIX в., перекликаются с определенными идеями анархистов, что позволяет объединять всех их в рамках более широкого, чем "анархизм", правда, менее разработанного, понятия — безгосударственный (либертарный) социализм. Но это тема уже для другой работы...

Н.В. РОСТИСЛАВЛЕВА

МОЗЕС ГЕСС О ПРУДОНЕ

Мозес Гесс и Пьер Жозеф Прудон не только крупные и самобытные мыслители середины XIX в., но и духовные вожди влиятельных социалистических направлений — "истинного социализма" и анархизма. В марксистской, в частности советской, историографии¹ эти течения критически мысли рассматривались главным образом в контексте оценки их Марксом и Энгельсом, которые давали им довольно сходные оценки. "Истинных социалистов" они называли выразителями интересов немецкого мещанства², а Прудона — "мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом"³. Тем не менее последующий ход общественного развития заставляет с большой осторожностью относиться к оценкам Маркса и Энгельса исторической перспективой мелкой собственности, а значит, и к их оценкам идеологов, весьма неопределенно названных "мелкобуржуазными". Универсализм этого понятия часто мешал осмыслению этих оригинальных социально-политических концепций. Такое осмысление имеет не только академический интерес; обращение к интеллектуальному опыту крупнейших социалистических школ весьма своевременно сейчас, в пору размышлений и дискуссий о целесообразности социалистического выбора в принципе.

Популярность прудонизма в рабочем и социалистическом движении второй половины XIX в. определялась прежде всего влиянием идей Прудона на французских рабочих. В этом смысле "истинному социализму" повезло меньше. Он оказался вписан в структуру немецкой школы социализма, олицетворением которой принято было считать марксизм. Современные западногерманские исследователи подчеркивают сильное влияние лидера "истинных социалистов" Гесса на Маркса, называя Гесса основоположником германской социал-демократии⁴. Куда более острое издание оценки историка В. Мёнке, подготовившего в 1980 г. в ГДР новейшее издание сочинений Гёсса и снабдившего его прекрасным комментарием⁵. Но и Мёнке указывает на огромное воздействие оказанное "истинными социалистами" на рабочее движение Германии 40-х годов XIX в. благодаря активной агитации, изданию обширной лите-

1 Бернштейн Э. Анархизм. СПб., 1907; Семенов В.Ф. Мелкобуржуазная экономия и мелкобуржуазный социализм. М.; Л., 1926; Серебряков М.В. Немецкий социализм и борьба с ним Маркса и Энгельса // Учен. зап. ЛГУ. 1948. Вып. 2; Кандель Е.Л. Из истории борьбы Маркса и Энгельса с немецким "истинным социализмом" // Из истории формирования и развития марксизма. М., 1959; Кан С.Б. История социалистических идей. М., 1967; Михайлов М.И. К вопросу об "истинном социализме" // Из истории социальных движений и общественной мысли. М., 1981.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 452.

3 Там же. С. 147.

4 Na'amen S. Emanzipation und Messianismus: Leben und Werk von Moses Hess. Frankfurt, 1983; Rosen Z. Moses Hess und Karl Marx Hamburg, 1983.

5 Mönke W. Vorwort // Hess M. Philosophische und sozialistische Schriften. В., 1980. (Далее: P.S.). S. X—XI.

ратуры и интересным попыткам доказать необходимость социалистического переустройства общества.

Немецкий или "истинный социализм" распространялся в Германии после востания силеских ткачей (июнь 1844 г.). Он представлял собой литературно-теоретическое течение. "Истинные социалисты", а наиболее известными среди них были М. Гесс, К. Грюн, Г. Земмит, И. Вейдемейер, Ф. Шмидт, находились в оппозиции к абсолютистским и полубабсолютистским режимам Германии и представляли оригинальную линию в немецком социалистическом движении. Они стремились изменить общество не путем классовой борьбы и преобразования материального общественного производства, а с помощью воспитания и образования. Идеологической основой "истинного социализма" была немецкая классическая философия. В отличие от Маркса сторонники немецкого социализма интересовались не гегелевской диалектикой и материализмом Фейербаха, а главным образом мыслями Гегеля о мировой гармонии и феербаховским гуманизмом. Именно идею Фейербаха о том, что истинная сущность человека состоит в гуманном отношении к людям, они использовали для обоснования необходимости установления социалистического строя. По их мнению, эгоизм капиталистов — главная черта буржуазного общества — мог быть преодолен путем просвещения, обеспечивающего постижение людьми их истинной сущности. Это сделало бы возможным достижение социальной гармонии.

Между "истинными социалистами" и Прудоном существовали не только идейные, но и личные связи. К Грюн оставил любопытный словесный портрет Прудона. "Когда я вошел в комнату Прудона, — вспоминал немецкий социалист о первой встрече, — то увидел довольно большого человека, нервного, не старше тридцати лет, одетого в шерстяную куртку и деревянные башмаки. Студенческая комната с одной кроваткой, немного книг на полках, на столе номера "Националя" и экономические журналы. Не прошло и пяти минут, как у нас завязался самый задушевный разговор, и я убедился, насколько был далек от истины, когда предпологал встретиться у Прудона недоверчивое отношение к людям. Открытое лицо, прекрасный лоб, карие глаза, нижняя часть лица несколько массивная и выражающая твердою натуру обитателей гор Юры, речь энергичная с несколько деревенским акцентом, лаконичная и точная с почти математической правильностью выражений; характер спокойный и уверенный, не лишенный веселости; одним словом, человек, который всегда и везде может за себя постоять"⁶. Личная симпатия переросла в научное сотрудничество. В конце 40-х годов Грюн оказался под влиянием идей Прудона, перевел на немецкий язык известнейшее сочинение французского анархиста "Система экономических противоречий, или Философия нищеты" и стал, по выражению Гесса, апостолом Прудона⁷.

Гесс лично не был близок Прудону, их отношения складывались непостоянно. В значительной степени это было обусловлено идейной эволюцией немецкого социалиста.

Мозес Гесс, выходец из семьи состоятельного еврейского промышленника, был высоко образованным человеком. Еще в молодости он познакомился с произведениями Спинозы, Руссо, Гёте, Гердера, Ротгека и других мыслителей, разделял взгляды рейнских либералов, выражавших в то время настроения самых широких антиабсолютистских сил. В начале 40-х годов он — один из основателей и редакторов "Рейнской газеты", ведущего органа прусской оппозиции; работал вместе с Марксом главным редактором этого издания. С конца 1842 г. Гесс — корреспондент "Рейнской газеты" в Париже. Здесь он познакомился с социалистической и коммунистической литературой: сочинениями Кабе, Дезами, Вейтлинга, Прудона. Накануне революции 1848 г. Гесс уже стал влиятельным социалистическим теоретиком, вместе с Марксом входил в ЦК Союза коммунистов. Разочарованный итогами революционных событий 1848—1849 гг., он поддержал фракцию Виллиха-Шаппера в Союзе коммунистов, лидеры которой были уверены в скорой победе пролетарской революции. Противоречия Гесса с Марксом, который уже в 1850 г. не надеялся на быстрое приближение пролетарского переворота, стали весьма острыми. В 50-е годы Гесс много занимался материалистической философией, а также еврейским вопросом, написал ставшую широко известной книгу "Рим и Иерусалим".

Немецкий социалист никогда не порывал с германским рабочим движением. В 1863 г., когда был основан лассальянский Всеобщий германский рабочий союз, он стал уполномоченным этой организации в Кёльне. После смерти Лассалья Гесс вышел из союза, был среди основателей в 1869 г. Социал-демократической рабочей партии Германии, а также представителем немецких рабочих на Брюссельском и Базельском конгрессах Интернационала.

Гесс познакомился с Прудоном в 1849 г., когда тот по его просьбе напечатал в своей газете "Народ" заявление Немецкого союза в защиту коммуниста Августа Виллиха, преследовавшегося французской полицией⁸. Близких личных отношений между двумя мыслителями не возникло. Правда, Гесс в 1853—1854 гг., проживая в Париже, подружился с близким Прудону человеком, сотрудником его журнала "Голос народа" философом Массолом. Массол правил первые статьи Гесса, написанные на французском языке. Он же представил немецкого социалиста бывшему сотруднику редакции газеты "Народ" Шарлю Фуавьету, в котором Гесс нашел друга на всю жизнь⁹.

Творчеством французского анархиста Гесс заинтересовался с начала 40-х годов, после того как познакомился со знаменитым его сочинением "Что такое собственность, или Исследование о принципе права и власти". Книга пронзала на него сильное впечатление. В 1843 г. в статье "Социализм и коммунизм" Гесс отмечал, что «Прудон попал в самую точку, когда на вопрос, что такое собственность, ответил: "... это кража»¹⁰. Правда, в том же году Гесс опубликовал в "Кельнской газете"

⁸ Silbner E. Moses Hess: Geschichte seines Lebens. Leiden; Brill, 1966. S. 298.

⁹ Ibid. S. 353.

¹⁰ Hess M. P.S. S. 202.

⁶ Grün K. Die sociale Bewegung in Frankreich und Belgien. Darmstadt, 1845. S. 406—407.

⁷ Hess M. P.S. S. 398.

и старался только улучшить ее, сделать более гуманной – это и есть владение, которое должно соответствовать праву распоряжения продуктами своего труда. Гесс подвергал критике капиталистические имущественные отношения с точки зрения морали и был гораздо более нетерпим к их остаткам, нежели Прудон. "Истинная собственность" Гесса – некая абстракция, ограниченная антропологическими рамками: обеспечить жизнедеятельность человека. Прудон же осмысливал эту проблему прежде всего как социально-экономическую.

Различия в подходах к данному вопросу сказались и на отношении Гесса и Прудона к проблеме свободы человека в гражданском обществе. В рецензии на книгу французского анархиста "Что такое собственность" Гесс упрекал его в пренебрежении факторов свободы¹⁸. Более того, французских социалистов от Сен-Симона и Фурье до Прудона и Кабе он критиковал за неправильное понимание сути социализма как свободной деятельности человека¹⁹. Прудона немецкий социалист объявлял идеологом равенства, а не свободы²⁰. Это кажется парадоксальным, ведь Гесс знал его как автора термина "анархизм", да и сам понимал под "анархией" отрицание любого политического господства, отрицание государства и политики²¹. В статье "Последние философы" явно под влиянием Прудона Гесс писал об анархии как об упразднении государства²². Немецкий мыслитель не мог игнорировать многочисленные высказывания Прудона о свободе. "Свобода – это анархия, писал французский социалист, – ибо она не допускает господства произвола, признает лишь авторитет закона, т.е. необходимости"²³. Но Гесса нельзя назвать противником всякого государства, он полагал, что недостатки этого института зависят не от его сущности, а от конкретных форм проявления, от порочности или глупости властей²⁴. Очевидно, Гесс не связывал отрицание государства с достижением подлинной независимости человека.

Немецкий социалист был знаком и с высказываниями Прудона об экономическом аспекте этой проблемы. "Необходимыми условиями торговли, – писал французский анархист, – являются: свобода вступления в сделку лиц... свободная ассоциация; свобода, довольствующаяся охраной равенства средств производства и равноценности обмениваемых продуктов, есть единственная, справедливая, истинная и возможная форма общества"²⁵. Между тем Гесс называл основы доктрины Прудона – свободу труда, конкуренции, распоряжения плодами своего труда – "фальшиво понимаемыми консервативными элементами свободы"²⁶.

18 Hess M. P. S. S. 257.

19 Rosen Z. Op. cit. S. 84.

20 Hess M. P. S. S. 257, 259.

21 Ibid. S. 199.

22 Ibid. S. 391.

23 Цит по: Бернштейн Э. Указ. соч. С. 45.

24 Hess M. P. S. S. 199.

25 Прудон П.Ж. Что такое собственность. С. 199–200.

26 Hess M. P. S. S. 259, 260.

критический обзор прудоновского сочинения, в котором утверждал, что в этой идее мало нового, хотя признавал популяризацию ее огромной заслугой французского анархиста¹¹. Весной 1844 г. в статье "О социальном движении Германии" Гесс писал, что "своей критикой собственности Прудон выходит на все практические противоречия и коллизии социальной жизни". О высокой оценке Гессом французского социалиста свидетельствовало и то, что он назвал своего кумира Фейербаха "немецким Прудоном". На некоторое различие взглядов немецкого и французского социалистов по вопросу о собственности указывал лишь упрек Гессом Прудону в том, что тот не сделал всех выводов из своего анализа имущественных отношений¹². Именно в этой статье, опубликованной в сборнике друга Прудона Грюна "Neu Alekhdota", проявилось наибольшее совпадение социальных воззрений обоих мыслителей. Так, французский анархист объявлял, что "собственность убивает жизнь, и это доказано всем пятидесятилетним существованием собственности"¹³. Гесс в полном согласии с ним писал: "...современное состояние собственности противоположно тому, чем оно в действительности должно быть", а быть собственностью должна, по его мнению, "внутренне слившись с человеком владением, чтобы служить его общественной деятельности, будучи неотчуждаемой как все, что является для человека средством к жизни"¹⁴. Как и Прудон, Гесс полагал, что именно через присвоение люди имущие становятся преступниками, а потому стремились "собственников-разбойников превратить в честных, справедливых и человеческих собственников"¹⁵.

В этом стремлении наглядно проявляется его идейная близость Прудону, призывавшему: "Уничтожьте собственность и сохраните владение... вы уничтожите зло на земле"¹⁶. Осуждая, как и Прудон, реальное состояние имущественных отношений, Гесс, однако, расходился с ним в том, каким оно должно стать. В одной из рукописей 1844 г. немецкий социалист писал: "Ошибка французского мыслителя в том, что он, различая собственность и владение, только первое отвергает, а владение признает". Гесс предлагал сохранить "истинную собственность", которая "означает не что иное, как определенное качество индивидуума, без которого он не может существовать". "Наша нынешняя собственность, – продолжал он, – так сильно отличается от истинной, что она просто лишает человека жизни, и поэтому Прудон вполне прав, когда определяет ее как противоположную той, какой она должна быть... Прудон просто еще не возвысился до понимания истинной собственности"¹⁷.

Являются ли представления Гесса вариацией формулы Прудона? По-видимому, нет. Французский анархист, критикуя собственность, понимал необходимость ее сохранения в полезной форме (промышленной торговли)

11 Ibid. S. 255, 257.

12 Ibid. S. 293.

13 Прудон П.Ж. Что такое собственность. Пг., 1919. С. 199.

14 Hess M. P. S. S. 293.

15 Ibid. S. 307.

16 Прудон П.Ж. Что такое собственность. С. 199.

17 Neu Quellen zur Hess-Forschung. В., 1964. S. 51. (Цитация: NQHF).

"Социальная свобода, — писал немецкий социалист, — есть либо следствие свободы духа, либо она беспочвенна..."²⁷ Он воспринимал ее с позиций Фейербаха, чья философия, и особенно знаменитый труд "Сущность христианства", ниспровергали авторитет религии. И Гесс полагал, что взгляды Прудона ограничены тем, что идеолог анархизма был подвержен влиянию религии. "...Его религиозных представлений, — писал немецкий мыслитель, — вполне достаточно чтобы дать возможность господствовать попам и королям, произволу и богатству"²⁸. А фантастические картины о Боге-отце и Святом семействе, которыми изобилуют работы французского анархиста и которые тот объявлял моделью общественного устройства, по сути, были картинами абстрактного христианского коммунизма. И это в свою очередь вело "к разрушению всякой самостоятельности индивидуума, к умерщвлению жизни или свободы"²⁹.

Итак, Гесс и Прудон по-разному понимали свободу человека в гражданском обществе: первый — как этическую категорию, отождествляя принцип свободы с атеистическим мировоззрением, последний — как совокупность социально-экономических прав. Указанное расхождение предопределило и неодинаковое толкование вопроса о соотношении свободы и равенства. Гесс не соглашался с идеологами казарменного коммунизма, утверждая, что их апология равенства ведет к отрицанию всякой индивидуальной свободы и в конечном итоге к деспотизму³⁰. "Свобода и равенство, — писал немецкий мыслитель, — играют в человеческой жизни, истинной жизни вообще, существенную роль. Они охватывают процесс, где свобода — жизнь, а равенство — смерть. Но смерть — естественный процесс"³¹. Свободу Гесс связывал с созидательными, позитивными консервативными элементами. Равенство же, по его мнению, является деструктивным, революционным моментом социального развития³².

Прудон также писал о приоритетности свободы: "Пусть вы захотите предупредить застой в торговле ограничением производства в необходимых размерах — это будет означать насилие над свободой, ибо, лишая меня возможности выбирать, вы меня принуждаете платить максимальные цены, вы уничтожаете конкуренцию — единственную гарантию дешевизны и вызываете контрабанду. И таким образом, желая помешать коммерческому, вы обращаетесь к произволу административному, желая создать равенство, вы уничтожаете свободу, а это равносильно отрицанию равенства"³³. Но Гесс не признавал подобное понимание свободы за истинное, утверждая, что Прудон не сумел в своей доктрине соединить ее с равенством³⁴.

²⁷ Ibid. S. 214.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. S. 213.

³⁰ С.: Штекли А. Э. Равенство и свобода: к изучению понятия казарменного коммунизма // История социалистических учений. 1989. М., 1989.

³¹ Hess M. P. S. S. 258.

³² Ibid. S. 259.

³³ Прудон П. Ж. Система экономических противоречий, или Философия нищеты // Семенов В. Ф. Указ. соч. С. 218.

³⁴ Hess M. P. S. S. 255.

Стремление обоих мыслителей рассматривать взаимодействие равенства и свободы при явном приоритете последней было обусловлено их представлениями о собственности. Прудон писал: "Противостоят власти общества, уравновешивая государственную власть и тем самым обеспечивая индивидуальную свободу — это составляет в системе политики главную функцию собственности"³⁵. Гесс вторил французскому политику³⁶. Но различие между "истинной собственностью" Гесса и прудоновским "владением" предопределило неодинаковый подход немецкого социалиста и французского анархиста к проблеме свободы и равенства в гражданском обществе.

В 1843–1845 гг. Гесс в основном положительно отзывался о Прудоне. Именно в это время он писал о нем как о "величайшем гении сегодняшней Франции"³⁷ и утверждал: "Нужно только Фейербаховский гуманизм распространить на социальную жизнь, чтобы Прудон на практике добился результатов"³⁸. С 1846 г. отношение Гесса к французскому анархисту изменилось, усилилась критика. К. Оберман, И. Гойтайн отмечали, что в это время немецкий социалист стал всерьез заниматься изучением экономических проблем³⁹. В письме Марксу от 28 июля 1846 г. он писал: "С твоими взглядами на коммунистическое сочинительство, о чем ты пишешь Даниэльсу, я полностью согласен. Как вначале было необходимо соединение коммунистических взглядов с немецкой идеологией, так теперь необходимо основываться на исторических, экономических предпосылках... Я набросился сейчас тоже исключительно на занятия экономической"⁴⁰.

Не последнюю роль в отношении Гесса к Прудону сыграли изменения в социалистическом движении Германии. С 1845 г. Маркс и Энгельс начали борьбу с "истинным социализмом". В этом же году они прекратили сотрудничество с видным популяризатором идей "истинного социализма" К. Грюном. Но Гесс пока сохранял дружеские отношения с Марксом и Энгельсом. Так, он продолжал вместе с Энгельсом издание журнала "Зеркало общества", принимал участие в написании последней главы "Немецкой идеологии", сотрудничал в "Немецко-брюссельской газете", специально созданной основоположниками марксизма для борьбы с социализмом Прудона, Грюна, Крüge.

Течение "истинного социализма" оказалось в глубоком кризисе: если Грюн стал апологетом Прудона, то Гесс все более сближался с Марксом. После появления книги Прудона "Система экономических противоречий, или Философия нищеты" Гесс вместе с Марксом включился в кампанию критики французского анархиста. В первой половине 1847 г. он написал статью об этом сочинении, которая, правда, при жизни автора не была опубликована. В этой рукописи немецкий социалист объявил метод

³⁵ Цит по: Бернштейн Э. Указ. соч. С. 45.

³⁶ Hess M. P. S. S. 293.

³⁷ Ibid. S. 248.

³⁸ Ibid. P. 293.

³⁹ Goitein I. Die Gesellschafts- und staatsanschauungen von Moses Hess. Frankfurt a/M., 1929. S. 102; Оберман К. Иосиф Вейдемайр. М., 1973.

⁴⁰ Цит. по: Оберман К. Указ. соч. С. 72.

Прудона "спекулятивным". Формально Гесс обвинил его в неправильном применении диалектического метода Гегеля. Действительно, французский анархист не читал произведений Гегеля и с основами его диалектики познакомился в беседах с Грюном и Марксом, т.е. в их переложении. Но фактически неправильное применение Прудоном диалектики, по Гессу, состояло в том, что он раскрыл формулу "тезис—антитезис—синтез" как "ассоциация—собственность—новое общество". Для Гесса, так же как и для Маркса, неприемлемо соединение ассоциации и частной собственности. Гесс прямо писал о том, что Прудон "берет элемент коммунизма — ассоциацию и фрагмент частной собственности — частный доход в ассоциации и полагает, что этим объединением можно спасти, с одной стороны, равенство, с другой — личную свободу, с одной стороны, гарантировать интересы мелкого капитала, с другой — уничтожить господство крупного капитала... Он не видит, что при помощи этого спекулятивного метода не достигаются ни свобода, ни равенство, ни сохранение мелкого капитала, ни ограничение крупного..."⁴¹

Таким образом, речь шла не о правильном понимании диалектики, а о принципиальных отличиях между анархизмом Прудона и коммунизмом Гесса и Маркса. Гесс объяснил, что Прудон является коммунистом только в воображении, а в реальности консервативным филантропом⁴². Филантропично, по его мнению, предложение французского анархиста предвратить колебание цен на товары заранее установленной ценой, что, на его взгляд, не устраняет конкуренции, которая для Гесса равносильна убийству с целью грабежа⁴³. Далее он писал о необходимости отменить наемный труд, частное предпринимательство, разобщенность. Их место должны были занять организованное производство, регулируемый обмен, общность⁴⁴. Не случайно И. Гойтайн утверждала, что в этих кратких спорах с Прудоном Гесс в основном приблизился к Марксу⁴⁵.

Конечно, нельзя отождествлять взгляды Гесса и Маркса даже в период их наибольшего сближения в 1846—1847 гг. Так, в самой глубокой, самой "марксистской", по мнению Мёнке, статье Гесса "Последствия пролетарской революции" можно обнаружить стремление автора защитить мелкую ремесленную собственность⁴⁶. Но в условиях кризиса "истинного социализма" и размежевания его сторонников Гесс выбрал скорее марксизм, а не прудонизм.

Более того, накануне революции 1848 г. он занимал очень радикальные позиции, даже по сравнению с Марксом. В грядущей революции Гесс видел прежде всего пролетарский переворот, отрицая при этом положительную роль буржуазно-демократических преобразований. Поэтому он не поддерживал идею Прудона реформировать буржуазное

общество. Немецкий социалист считал, что революция "в последней инстанции не политическая, а социально-экономическая реформа. Только народ, сам осуществив свое дело, сможет провести такие социальные реформы, которые ему необходимы"⁴⁷.

В 50–60-е годы XIX в. в ряде статей и брошюр, в письмах к Герцену Гесс критиковал предложение Прудона сделать капитал доступным через безвозмездный кредит, представляемый учрежденным им в 1848 г. "народным" банком. В брошюре "Последний суд старого мира", написанной под влиянием группы Вилха—Шапера, он отметил, что Прудон не разрешает вопроса о возвращении человеку жизненной силы, отнятой капиталом, что его реформы "в известной мере выполнены на базе существующей политической экономии, они большей частью уже осуществлены англичанами, а английской политической экономией Прудон занимался довольно поверхностно, равно как и немецкой философией, не исследуя ни английской политической экономии, ни немецкой философии основательно"⁴⁸. Гесс вновь упрекал французского анархиста в буржуазности, называл его "классическим выразителем иллюзий французской буржуазии"⁴⁹. А его популярность объяснял поддержкой мелкой буржуазии Парижа, Лиона и других крупных городов. Немецкий социалист убежден в невозможности "осуществить серьезную реформу, необходимую всем, без такой народной революционной власти, перед которой Прудон отступает, потому что эта власть — смерть для его скорректированной и измененной буржуазной политической экономии"⁵⁰.

Критическое отношение к французскому анархисту сказалось и на деятельности Гесса в I Интернационале, где он, несмотря на прерванное с конца 40-х годов сотрудничество с Марксом и Энгельсом, поддержал марксистов против последователей Прудона⁵¹.

47 NQHF. S. 81.

48 Hess M. Ausgewählte Schriften. Köln, 1964. S. 208.

49 Ibid. S. 401.

50 Hess M. P. S. S. 208.

51 Silberner E. Op. cit. S. 573.

41 Hess M. P. S. S. 397.

42 Ibid. S. 398.

43 Ibid. S. 386.

44 Ibid. S. 400.

45 Goitein I. Op. cit. S. 106.

46 Hess M. P. S. S. 431.